

Т. П. Павлова, заведующая библиотекой; Н. М. Шаповалова, библиотекарь

И СЕРЕБРЯНЫЙ МЕСЯЦ ЯРКО НАД СЕРЕБРЯНЫМ ВЕКОМ СТЫЛ...: ПОЭТЫ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (литературно-музыкальный вечер)

Нынешний год ознаменовался целым рядом юбилейных и круглых дат блистательных русских поэтов «Серебряного века», завоевавших известность и славу в начале XX века: 125-летием со дня рождения Анны Ахматовой (23 июня), 145-летием со дня рождения «декадентской мадонны» Зинаиды Гippiус (20 ноября) и Мирры Лохвицкой (2 декабря).

“ Меч исчезнет, а звезды останутся...

М. Булгаков

1-й ведущий. Сегодня мы собрались здесь, в этой литературной гостиной, чтобы ощутить вкус поэзии «серебряного века» — так вошел в историю литературы XX века прекрасный хор голосов поэтов, пестрых и разнородных даже географически. Это поэтический мир начала XX века!

Итак, XX век. Петербург... Холодно, сыро, смутно в природе и на душе. Русско-японская война, трагедия на Ходынском поле, потрясения 1905–1907 годов, Первая мировая война... Что впереди?

Александр Блок характеризовал образ сына XX века как «минуту смятения и борьбы лжи и правды». И вот это смятение и борьба привели к образованию в литературе многочисленных группировок, представители которых вели споры о поэзии, о смысле жизни, о человеческом счастье.

Звучит романс «Отвори потихоньку калитку».

Чтец

Моя душа, как лотос чистый,
В томлении водной тишины
Вскрывает венчик серебристый
При кротком таинстве Луны.

М. Лохвицкая

Чтец (читает стихотворение «Мать Сыра Земля»)

Я — Мать Сыра Земля! Я — гроб и колыбель!
Поют мне песнь любви все голоса творенья —
Гроза, и соловей, и море, и метель,
Сливаясь в вечный хор, во славу возрожденья, —
Живит меня Перун, меня ласкает Лель;
Из недр моих к лучам и радости цветенья
Стремился тонкий злак и царственная ель,
И мне, о человек, неведомы мученья.
Неутомимая, всех любящая мать,
Могла б я всем равно в довольстве счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила,
Незыблемый покой усталому суля,
Для бодрого всегда надежда я и сила!
Я — гроб и колыбель! Я — Мать Сыра Земля!

2-й ведущий. Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гippiус — выдающиеся мастера художественного слова. Их творчеству суждено было стать объектом оживленных дискуссий, как в нашей

■ Мирра Александровна Лохвицкая

■ Дмитрий Сергеевич Мережковский

стране, так и в кругах русского литературного зарубежья. Поэзия этих авторов привлекает высоким художественным уровнем, стремлением проникнуть в сокровенные глубины человеческого бытия.

Чтец

Дома и призраки людей —
 Все в дымку ровную сливалось, —
 И даже пламя фонарей
 В тумане мертвом задышалось.
 И мимо каменных громад
 Куда-то люди торопливо,
 Как тени бледные, скользят,
 И сам иду я молчаливо,
 Куда — не знаю, как во сне,
 Иду, иду и мнится мне,
 Что вот сейчас я, утомленный,
 Умру, как пламя фонарей,
 Как бледный призрак, порожденный
 Туманом северных ночей.

1-й ведущий. Зинаида Николаевна Гиппиус. Родилась в России, училась в Киевском женском институте. Литературный портрет поэтессы многогранен. Произведения З. Н. Гиппиус — не легкого развлекательного чтения. Тема ее поэзии — глубокий конфликт в душе человека, окончательно потерявшего веру в себя, в смысл жизни.

Не ведаю, восстать иль покориться,
 Нет смелости ни умереть, ни жить.

2-й ведущий. Зинаида Николаевна полагала, что опустошенность, раздробленность и разобщенность людей — это главный грех ее поколения. У нее положительная программа такова: собственное «я» свободной личности, символ свободы и духовного спасения ЛЮБОВЬ, в особенности любовь неразделенная. Поэтесса обращается к Богу с просьбой укрепить волю и веру, придать силы, чтобы сделать долгую, но не рабскую дорогу. Ее «я» стремится стать соприродным божественному началу.

■ Рекламный плакат журнала «Аполлон»

■ Зинаида Николаевна Гиппиус. Художник Л. Бакст
Чтец

Как Бог, хотел бы знать я все о каждом.
 Чужое сердце видеть как свое,
 Водой бессмертья утолять их жажду —
 И возвращать иных в небытие.

1-й ведущий. Самый главный грех человека — его само- и богоотступничество, безволие, уход от предельного самовыявления, от личного подвига внутреннего самоспасения. Нужно воскресить в себе божественный образ. Причину общей неудовлетворенности жизнью поэтесса видела в отмирании традиционных религиозных идеалов. Разъединенность людей — вот, по ее мнению, главный «порок» времени. Не правда ли, мысли пророческие? Духовность, культура, красота спасут мир от жестокости и разрушения.

Чтец

Не знаю я, где святость, где порок,
 И никого я не сужу, не меряю.
 Я лишь дрожу пред вечною потерей.
 Кем не владеет Бог — владеет Рок.

 Ты был на перекрестке трех дорог, —
 И ты не стал лицом к Его преддверию...
 Он удивился твоему неверию
 И чуда над тобой свершить не мог.

 Он отошел в соседние селения.
 Но поздно, близок он, бежим, бежим!
 И, если хочешь, — первый перед Ним
 С безумной верою склоню колени я...

 Не он один — все вместе совершим,
 По вере, — чудо нашего спасения...

Чтец (*встает и с листом подходит к кому-нибудь из гостей, читает стихотворение «Женщине»*)

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум, и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг!
Ты — женщина, ты — ведьмовской напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.
Ты — женщина, и этим ты права,
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

2-й ведущий. Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — поэт, прозаик, публицист, литературный критик, переводчик, теоретик стиха.

Чтец (*читает стихотворение «К. Д. Бальмонту»*)

Как прежде, мы вдвоем в ночном кафе, за входом.
Кружит огни Париж, своим весельем пьян.
Смотрю на облик твой; стараюсь год за годом
Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.
И ты мне кажешься суровым мореходом
Тех лучших дней, когда звал к далям Магеллан,
Предавший гордый дух безвестности и водам,
Узнавшим, что таит для верных океан.
Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,
Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

1-й ведущий. На рубеже веков Брюсов энциклопедически усвоил культуру прошлого и стал выразителем новейших тенденций. Он, фактически, вождь символистов, книгопроходчик, сделавший большую работу для сохранения русской культуры в столь тяжелое время.

В обществе любителей западной литературы Валерий Брюсов познакомился с Константином Бальмонтом. Это была встреча родственных душ.

Чтец (*читает стихотворение «Колокольный звон»*)

Как нежный звук любовных слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далекий звон колоколов.
В прозрачный час вечерних снов
В саду густом и ароматном
Я полон дум о невозвратном,
О светлых днях иных годов.
Не меркнет вечер, догорая,
Теснится тьма со всех сторон;
И я напрасно возмущен
Мечтой утраченного рая;
И в отдаленье замирая,
Смолкает колокола звон.

2-й ведущий. Группа петербургских поэтов объявила новое течение — акмеизм (от древнегреческого «акме» — вершина, цветущая пора). В журнале «Аполлон» (1913 г.) появился манифест Николая Гумилева и Сергея Городецкого.

■ Константин Дмитриевич Бальмонт

■ Валерий Яковлевич Брюсов

Презентацию
«Аист на крыше»
к материалу
О. В. Пищалева
«Открытый урок
“Мир без нацизма”:
итоги конкурса
Всероссийской
акции» (№9, 2014)
загружайте
по адресу:
[www.e-osnova.ru/
journal/21/22/](http://www.e-osnova.ru/journal/21/22/)

■ Сергей Митрофанович
Городецкий

Чтец

Нас было пять...
Мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.
Далекие загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей.
Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя.
И после смерти наши привиденья
Поднялись, как подводные камни,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

1-й ведущий. Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) — поэт, литературный критик, прозаик.

Чтец (читает стихотворение «Мудрость»)

Я должен все уразуметь,
Все распознать и все разведать,
Зачем нам мед, зачем нам медь,
Где поражение, где победа.
Не подгоняет смерти плеть,
Но любопытство мучит деда.
Необходимо мне успеть
Потомкам опыт свой поведать.
Ведь умудрили тем, кто стар,
Трех войн губительный пожар,
Трех революций дерзновенье.
Мы мертвой и живой воды
Испили в годах молодых,
Чтоб знать, которая вкуснее.

2-й ведущий. Различные судьбы тех, кто начал как акмеист. Анна Ахматова, пройдя тяжелейшие испытания, сохранила в самые страшные годы честность, бескомпромиссность и преданность поэтическому слову. Николай Гумилев был расстрелян, Михаил Кузин умер на родине в полной безвестности, Елена Кузьмина-Караваева, покинув Россию, стала легендарной Матерью Марией, спасшей многие жизни. Осип Мандельштам, создавший страстную инвективу «кремлевскому горцу», сгинул в водовороте сталинских репрессий.

Чтец (читает стихотворение А. Ахматовой)

Постучись кулачком — я открою,
Я тебе открывала всегда,
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой
Нашей невосковой студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

2-й ведущий. 1910 год. Смутное время. Загадочное, тревожное. И вот появляются новые стихи, они подобны заклинаниям — это как бы ломка традиционной формы и содержания языка. Георгий Владими-

■ Анна Андреевна Ахматова.
Художник Н. И. Альтман

рович Иванов (1894–1958) — поэт, литературный критик, начинал как футурист, но затем перешел на позиции акмеизма.

Чтец (*читает сонет-послание И. Северянину*)

Я долго ждал послания от Вас,
Но нет его, и я тоской изранен.
Зачем вы смолкли, Игорь Северянин,
Там, в городе, где гам и звон кирас?
Ночь, надо мной струит золотой экстаз,
Дрожит во мгле неверный лик Дианы...
Ах, мир ночной загадочен и странен,
И кажется, что твердь с землей слилась.
Звучит вдали шопеновское скерцо,
В томительной разлуке тонет сердце,
Лист падает, и близится зима.
Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий.
Я здесь грущу, и Вы меня забыли...
Пишите же, я жду от Вас письма!

1-й ведущий. Игорь Северянин — псевдоним Игоря Владимировича Лотарева. Поэт России и Эстонии, 38 лет литературной деятельности, 24 года прожил в Эстонии, но все-таки русский дух был в его поэзии. Вот послушайте его стихотворение.

Чтец (*читает стихотворение «Поэза оттенков»*)

Есть в белых ночах лиловость,
Лиловость в белых ночах.
В нежных очах — суровость,
Суровость в твоих очах...
В фиалке бывает бледность,
Бледность в лиловом цветке,
В золотоприческе — медность,
Медь в золотом волоске.
Есть что-то в весне старушье,
Как вешнее есть в былом,
В душе у тебя бездушье,
Душа — в бездушьи твоём!

2-й ведущий. Из воспоминаний. Февраль 1918 г. Игорь в Москве. 14 февраля выступает в Политехническом музее на празднике поэтов, на котором «всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием» публики он был избран «королем поэтов». Второе место занял Маяковский, третье — Велимир Хлебников (настоящее имя — Виктор Владимирович Хлебников; поэт, прозаик, драматург).

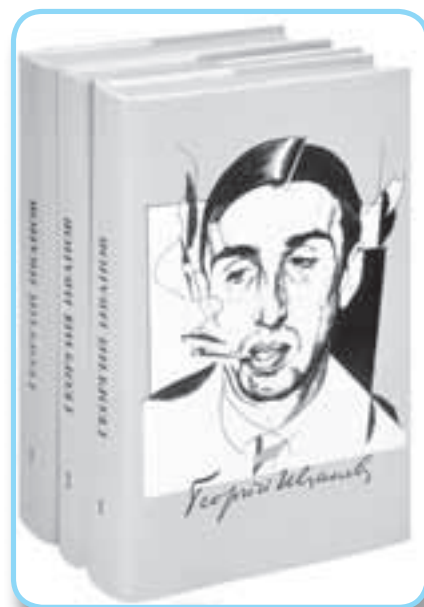
Чтец (*читает стихотворение Велимира Хлебникова «Собор грачей осенний»*)

Осенняя дума грачей.
Плетня звено плетений,
Сквозь ветер сон лучей,
Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Речной воды загоны
И снежный путь холста.
Три девушки пытали:
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им немного лет.
И всюду меркнет тень,
Ползет ко мне плетень.
Нет!

1-й ведущий. У Маяковского, как и его товарищей по группе, было «повышенное чувство личности».

Чтец (*читает стихотворение В. В. Маяковского «От усталости»*)

Земля!
Дай исцелю твою лысеющую голову

■ Георгий Владимирович Иванов

■ Игорь Северянин
(Игорь Владимирович Лотарев)

■ Велимир Хлебников
(Виктор Владимирович Хлебников)

■ Владимир Владимирович
Маяковский

Лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.
Дымом волос над пожарами глаз из олова
Дай обовью я впалые груди болот.
Ты! Нас — двое,
Ораненных, загнанных ланями,
Вздыбилось ржанье оседланных смертью коней,
Дым из-за дома догонит нас длинными дланями,
Мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней.
Сестра моя!
В богадельных идущих веков,
Может быть, мать мне сыщется;
Бросил я ей окровавленный песнями рог.
Конная скачет по полю
Канавы зеленая сыщица
Нас заневолить
Веревками грязных дорог.

2-й ведущий. 1914 год. Произошла встреча Б. Пастернака с В. Маяковским, который произвел на него огромное впечатление. Полюбив в нем первого поэта и явного главаря футуризма, Б. Пастернак стал строго исключать из своего творчества элементы романтического мероприятия, так ярко проявившиеся в судьбе В. Маяковского и его поэзии. Пастернак решительно искал самостоятельный путь в литературе.

Чтец (читает стихотворение Б. Пастернака из цикла «Петербург»)

Тучи, как волосы, встали дыбом
Над дымной, бледной Невой,
Кто ты? Кто ты? Кто бы ты ни был,
Город — вымысел твой.
Улицы рвутся, как мысли, к гавани
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой, и в саване
Ты не нашел себе места.
Воли наводнения не сдержишь сваями,
Речь их, как кисти слепых повитух,
Это ведь бредишь ты, невменяемый,
Быстро бормочешь вслух.

Осень — зима 1920–1921 годов. А. Ахматова, М. Цветаева и А. Блок никогда не собирались вместе, хотя обе поэтессы были влюблены в Блока, посвящали ему стихи.

Чтец (читает стихотворение А. Ахматовой к А. Блоку)

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз
И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый,
Ясно смотрит на меня!
У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

1-й ведущий. Блок в жизни Марины Цветаевой был единственным поэтом, которого она чтит не как собрата по «струнному руко-меслу», а как божество от поэзии, и которому, как божеству, поклонялась...

■ Борис Леонидович Пастернак

Творчество одного лишь А. Блока восприняла М. Цветаева как высоту столь поднебесную — не отрешенностью от жизни, а очищенностью ею (так огнем очищаются!), — что ни о какой сопричастности этой творческой высоте она в «греховности» своей и помыслить не смела — только коленопреклонялась. Таким поэтическим коленопреклонением, таким сплошным «аллилуйя» стали все ее стихи, посвященные А. Блоку в 1916 и 1920–1921 годах, и проза о нем, с чтением которой она выступала в начале 30-х годов в Париже; нигде не опубликованная, рукопись эта не сохранилась.

Видела и слышала она А. Блока дважды на протяжении нескольких дней в Москве 9 и 14 мая 1920 года на его чтениях в Политехническом музее и во Дворце искусств. Знакома с ним не была и познакомиться не отважилась, о чем жалела и чему радовалась, зная, что только воображаемые встречи не приносят ей разочарования...

Сама Цветаева о Блоке говорила так: «Исключение — чистый лирик, у которого были, однако, и развитие, и история, и путь, — Александр Блок. Но, сказав «развитие», вижу, что взяла не только неверное направление, но и слово, противоречащее сущности и судьбе Блока. Развитие предполагает гармонию. Может ли быть развитие катастрофичным? И может ли быть гармония там, где налицо полный разрыв души? И вот, не играя словами, а строго спрашивая за них, утверждаю: Блок на протяжении всего своего поэтического пути не развивался, а разрывался».

Влюбленная в Блока, М. Цветаева посвятила ему целый цикл своих стихов:

Чтец

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое — пять букв...

1-й ведущий. И в эту свободно льющуюся лирическую струю поэзии влюбленности врывается Время — с его потрясениями, войнами, революциями.

Чтец (читает стихотворение А. Блока)

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть...

2-й ведущий. Марина Цветаева — романтик, размышляя о своем творчестве, написала крылатую фразу, поражающую красотой, безмерностью и глубиной.

Чтец

Стихи растут, как звезды и как розы.
Как красота — ненужная в семье...
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

2-й ведущий. М. Цветаева ощущает свое родство со всем миром, подчиняясь не каким-то выдуманнным правилам, а космическому порядку, отсюда и ее «правила» творчества.

Чтец

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце — как маятник — как календарь.
Быть светской пустынноницей стройного роста.
Премудрой — как всякая Божия тварь.

■ Александр Александрович Блок.
Художник К. Сомов

■ Марина Ивановна Цветаева

Знать: Дух — мой сподвижник и Дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
Как бог повелел и друзья не велят.

1-й ведущий. Поэзия «серебряного века» по праву наследует лучшие традиции века «золотого», традиции пушкинской поэзии. Поэтому закономерно, что мы обращаемся к вопросу: кем был Пушкин для Ахматовой, Цветаевой, Блока?

Чтец (читает отрывок из стихотворения А. Ахматовой «В Царском Селе»)

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Через всю поэзию Анны Андреевны проходил образ А. Пушкина, творчество которого на протяжении многих лет она изучала. Изучала его жизнь и сочинения, внося в пушкиноведение свою особую лепту. Причем знаменательно то, что она стала пушкинисткой, комментатором произведений поэта в самые трудные для себя годы — в 1925-м, когда началась травля со стороны рапповской и лефовской критики, когда уже не печатали ее стихов.

Чтец

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, улада жен —
Пушкин в роли монумента?

Гостя каменного? — он,
Скалозубый, нагловзорый Пушкин — в роли Командора?

Чтец (читает стихотворение С. Есенина)

...Грустно. Душевные муки
Сердце терзают и рвут.
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума,
Голову кружит от шума...
Как же мне быть? И сама
Моя изнывает душа.
Мрачно и дико кругом.
Доля, зачем ты дана?
Голову негде склонить,
Жизнь и горька, и бедна,
Тяжко без счастья жить.

2-й ведущий. «Серебряный век» немыслим без Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Саши Черного, Владислава Ходасевича, Леонида Гросмана, Елизаветы Полонской, Людмилы Вилькиной, Александра Блока. Их много, и они прекрасны как звезды на небе в августовскую ночь.

Их нет в живых, но свет их поэзии идет к нашим сердцам, и мы теплеем. И тогда «меч исчезнет, а звезды останутся...».

Хотите идти в ногу со временем?
Хотите делать свои уроки эффективными и нестандартными?
Хотите узнать о лучших педагогических идеях XXI века?

ДА ИСТАНЦИОННАЯ АКАДЕМИЯ

Предлагаем курс «Эффективный урок», который заинтересует как молодого, так и опытного учителя!

Программа курса:

1. Методические приемы, которые помогут мотивировать учащихся, вызвать интерес к уроку.
2. Методические приемы для проверки домашней работы.
3. Интересные приемы для изучения основного материала (как рационально организовать изучение новых понятий, провести дискуссию, как работать в группах).
4. Методические приемы для обобщения и систематизации знаний.
5. Советы относительно дисциплины в классе, проблемы оценки.

Практикум: разработка урока.

Приложения к обучению: шаблон конструирования урока, шаблон самоанализа урока, составляющие современного урока и т. п.

Длительность обучения: 2 недели + 1 неделя для окончания работы.

Стоимость обучения: 650 р.

Каждый участник получит сертификат о прохождении курса «Эффективный урок»!

Записывайтесь на курс и будьте современным учителем!

Курс начнется, как только соберётся группа. Для записи на курс необходимо зарегистрироваться и заполнить электронную заявку на сайте www.d-academy.ru. Все вопросы присылайте на электронную почту: tutor.d.academy@gmail.com

